

СТАНИСЛАВ АХПолов

ПОСЛЕДНИЙ ФЛОТ

Станислав Ахполов

Последний флот

«Автор»

2026

Ахполов С.

Последний флот / С. Ахполов — «Автор», 2026

В середине ХХІ века чудовищные волны атаковали континенты, и знакомый нам мир оказался погребён на дне океана. Катаклизм стёр с лица Земли мегаполисы и страны, затопил поля, горы и равнины. Но человечество предвидело эту угрозу. Объединившись перед общей бедой, нации возвели ковчеги – могучие корабли размером с города. Так род людской обрёл новый дом и навсегда обосновался в море. Годы шли. Спустя двадцать лет после катастрофы молодой человек по имени Роман Паршин жил обычной жизнью на ковчеге «Москва», строя планы на будущее: мечтал о семье, детях и карьере в одном из технических блоков. Но у судьбы были свои планы – однажды загадочный человек из администрации попросил Рому об одолжении. Юноша не подозревал, что от сделанного им выбора зависит не только его судьба, но и будущее всего ковчега. И выбор, который он сделал, изменил всё...

© Ахполов С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Вспышка	6
Интерлюдия	10
Глава 2. Вылазка	11
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Станислав Ахполов

Последний флот

Пролог

Когда-то мы часто размышляли о судьбе нашей планеты, необузданной и прекрасной. Многие искатели пытались узреть бури, подстерегавшие Землю в её будущем, и тайна о конце всего сущего была самой желанной целью учёных всех эпох.

Какие очертания могли принять знамения конца? Падёт ли на нас пылающая комета, разрушив всё то, что человек возводил тысячелетиями? Или же ядерная война положит конец человеческой истории? Точный ответ не мог дать никто, хотя в погоне за этим секретом многие проживали свои жизни, так и не узнав, что трагичный миг уже совсем близок.

В 2040-ом году учёные из Университета наций пришли к единому мнению, что через двадцать пять лет мощная вспышка на солнце приведёт к изменению климата и глобальному таянию ледников, после чего смертоносные волны атакуют континенты Земли, накрывая целые цивилизации подобно одеялу. А когда всё сущее уйдёт под воду, человечество сгинет в пучине морской, став лишь одной из многочисленных ступеней истории.

Поначалу мировое правительство пыталось скрыть катастрофу. Затем – предотвратить её. Тысячи климатологов со всего мира предлагали разнообразные идеи, но каждый раз всё сводилось к тому, что конца не избежать. Раз за разом попытки найти спасение для миллионов жизней оборачивались неудачей, и тогда президенты мировых наций выступили с обращением к своим гражданам, объявив глобальную подготовку к концу света.

Совместными усилиями величайших инженеров был разработан интернациональный проект «Последний флот», и человечество получило шанс на спасение. Навсегда покинув сушу, люди обосновались на исполинских кораблях – ковчегах, которые заменили города, когда смертоносная вода наконец покрыла континенты.

Благодаря переселению в открытый океан люди спаслись от конца света, но время показало – никто из нас не был до конца готов к такой жизни. Некоторое время Последний флот Российской Федерации доминировал в евразийских водах, ведя за собой ковчеги союзных государств и устрашая недругов из других фракций. Наша флотилия, состоящая из мощных и современных ковчегов, оказывала существенное влияние на политическую и экономическую обстановку всего региона. Но сложившийся строй никак не смог просуществовать долго.

Получив достаточную автономность друг от друга и имея возможность выживать без помощи других, ковчеги начали один за другим покидать Последний флот. Ослеплённые властью морские губернаторы превращали корабли в личные уголья, забывая о том, что в прошлом человечество смогло уцелеть лишь благодаря единству.

И теперь миру предстояло справиться с новой угрозой...

Глава 1. Вспышка

Море было беспокойно. Я каждый раз вздрагивал, чувствуя вибрации – отголоски огромных волн, бьющихся о могучие борта ковчега «Москва». Иногда вибрации стихали, но вскоре вновь начинали бушевать. В ночной тишине казалось, словно они пытаются сказать что-то, предупредить о чём-то неведомом и суровом. Но этот шёпот, как и всегда, проходил. С рассветом море утихало, а очередной день в великом океане открывал новые горизонты для нас, жителей этого молодого, ещё совсем незнакомого мира.

Шёл двадцатый год с момента, когда первый морской гигант был спущен на воду. Я часто вспоминал, как будучи десятилетним мальчиком впервые увидел будущий дом на экране телевизора, в ленте новостей. Его огромные очертания напоминали большого кита, закованного в железные доспехи. Стальной ковчег венчали с разнопёрыми купола, которые отражали всю историю некогда многонациональной страны, её утраты и достижения. До катаклизма эта страна гордо называлась Российской Федерацией, а её жители, наречённые «россиянами», собирали своё государство по крупицам на протяжении многих веков. Но теперь ни России, ни её народа не осталось. Лишь этот корабль и пол сотни ему подобных напоминали о том, что когда-то давно было могучей державой. Раньше никто и подумать не мог, что наступит время, когда тоскливые воспоминания о прошлом будут будоражить умы людей – тех, разумеется, кому посчастливилось оказаться на ковчегах и пережить исполинские волны, сгубившие весь мир.

Но человечество утратило не только большую часть своей популяции. Леса, горы, поля, равнины и озёра – всё стало Великим океаном, всепоглощающим и единым. И посреди него мы, потерянные и вечно блуждающие на железных кораблях, наречённых по-библейски «ковчегами».

Я едва чувствовал приближение сна, но совсем не заметил, как заснул.

А потом, посреди ночи, каюту озарил странный свет.

Сначала мне показалось, что это была часть сна, но веки дрогнули и глаза открылись. Иллюминатор пылал ярко-красным светом, заливая мою каюту оттенками запёкшейся крови. А затем ковчег содрогнулся. И это были не привычные вибрации океана, волны которого каждый день бились о борт. Это было что-то иное. Что-то пугающее и непонятное. Но всё быстро прекратилось, и красная вспышка исчезла, снова погрузив каюту в кромешную тьму. Я поднялся, посмотрел в иллюминатор, но, кроме бурлящих волн, так ничего не увидел.

Бессонница закончилась, когда шторм за окном наконец стих. Утро началось с привычного оповещения, громкого и противного. «Секция 03-05, доступ в уборные открыт».

Выйдя в коридор, я закрыл на кодовый замок свою каюту. Маленькая, душная, скромно обставленная, она больше напоминала тюремную камеру, но другого личного угла на ковчеге не было с тех пор, как меня по достижению восемнадцати лет поселили в молодежный блок третьего уровня. Родителям повезло меньше, их отправили ниже, на последний – четвёртый уровень – справедливо прозванный «днищем», где условия для жизни были бесчеловечны.

Такая участь ожидала всех жителей третьего уровня, кто более не мог завести детей и не обладал специальностью из перечня «критически важных». Таких людей списывали за ненадобностью, отправляя доживать свои дни в место, где жизнь становилась выживанием и каждый день был тяжелее предыдущего.

Встав в строй, я спокойным шагом, не отбиваясь от толпы, пошёл к душевым, окидывая взглядом соседей по каютам. Народ был одет кто во что – в халаты, мятые рубашки и потёртые от старости комбинезоны. На «Москве» уже много лет одежду выдавали строго по нужде. Особенно это касалось жителей двух последних уровней. Времена, когда люди каждое утро выбирали, во что бы принарядиться, чтобы удивить друзей или коллег на работе, остались в далёком прошлом. Вся высокая мода была смыта катаклизмом, а те её остатки, что смогли перенести

на корабль, с годами исчезли, растворились в условиях сурового выживания. Я предпочитал следить за одеждой и выглядеть опрятно, однако старался не выделяться из толпы. На ковчеге действовало одно негласное правило – чем ты неприметнее выглядишь, тем меньше проблем свалится на твою голову.

Впереди шли жильцы примыкающих ко мне кают – Саша и Макс. «Интересно, видели ли они этот странный свет ночью?» – думал я, но спрашивать напрямую не стал. Боялся, что кто-нибудь услышит.

А следом за ними грациозной походкой шла Лиза, моя девушка. Я издали заметил её тёмные волосы, аккуратно собранные в хвост. Её каюта была неподалеку, в одной секции со мной, поэтому время, отведённое на гигиенические процедуры, у нас совпадало.

Так мы и познакомились полгода назад, прямо здесь, в душевой очереди. Она стояла на три человека впереди – сонная, лохматая и заразительно зевала, да так, что я и сам зевнул. Она обернулась и заметила это. Засмеялась. А я засмеялся в ответ. Слово за слово и вот уже, на наш страх и риск, я приглашаю её на свидание.

Помню, что готовился к встрече, как к экзамену. У Дюпона – продавца всякого старья с третьего уровня – я раздобыл одеколон. Лавандовый, в стеклянном флаконе. Дюпон клялся, что до катаклизма такой стоял в каждой парижской ванной. Я старательно, не пропуская ни единого места, надушился перед выходом, но лавандовая волна накрыла химической атакой весь этаж. Кто-то даже всерьёз решил, что произошла утечка реагента, и вызвал аварийную бригаду. Свидание пришлось пропустить, а Лиза в конечном итоге перестала со мной разговаривать. Я пытался извиниться, носил ей записки, сладкие пайки, и в конце концов она сдавалась. «Ладно, даю тебе второй шанс, – сказала она тогда, – но в следующий раз без одеколона». Через день мы встретились в доках, откуда рыбаки выходили в море на промысел. Запашок там, конечно, такой себе, зато какой открывался вид. Да и после того одеколона рыбная вонь ни меня, ни Лизу совсем не смущала. Так мы и просидели на воздухе, созерцая горизонт, влюбляясь в спокойное весеннее море и друг в друга. А потом поцеловались. Поцеловались в первый раз, но этот первый раз навсегда остался для меня особенным.

Лиза замедлила шаг и пропустила вперед Макса и Сашу, осторожно обернувшись на меня.

– Привет, – мило улыбнулась она.

– Доброе утро, солнце. Хорошо выглядишь, – шёпотом ответил я.

– Не ври. Даже я не выгляжу хорошо, пока не помоюсь, – она рассмеялась и послала мне воздушный поцелуй. Я подошёл ближе, попытался коснуться её, но Лиза нервно одёрнула руку. – Нельзя, могут увидеть.

– Ладно, я понимаю, – ответил я, отстранившись.

На углу перед входом в душевые стоял сотрудник службы безопасности. Он пристально вглядывался в заспанные лица жителей третьего уровня, пытаясь разглядеть какую-нибудь подозрительную активность. Но ничего не происходило, а офицер стоял, сдерживая сонливость.

Когда Лиза вошла в душевую, то повернула налево, в женскую часть. Я же, помахав ей рукой на прощание, свернул направо.

Спустя минуту Саша и Макс, идущие впереди меня, над чем-то громко засмеялись.

– Что смешного, парни? – спросил у них я.

– Да вон, глянь, – Саша показал пальцем на офицера.

Обернувшись, я увидел, как сотрудник службы безопасности задремал, опираясь о пропускной турникет.

«Ну хоть кто-то этим утром удовлетворил свои потребности».

Основой жизни на ковчеге «Москва», как и на любом другом ковчеге, была пресная вода. Она была не просто ресурсом, таким как металл или топливо. Она давала людям возможность выращивать пищу, лечить болезни и поддерживать чистоту. Проходя через бесконечные циклы обработки на опреснительных установках, пресная вода была настоящей кровеносной системой, пронизывающей корабль и все его цеха.

Круговорот пресной воды лежал в основе автономного существования ковчеге, а гул от массивных установок подобно биению человеческого сердца напоминал о том, что мы всё ещё живы и не планируем сдаваться перед жуткими последствиями катаклизма.

Но, в первую очередь, пресная вода служила напоминанием о большой земле, которую мы потеряли. О чистых озёрах, бурных реках, мощных водопадах и дождевых лужах, по которым когда-то беззаботно бегала детвора. И эти воспоминания одних вгоняли в тревогу и печаль, а другим придавали сил и надежду, что лучшее всё ещё впереди. Я старался быть в одной лодке со вторыми.

Отстояв очередь и пройдя в душевую кабину, я приложил палец к небольшому экрану, вмонтированному в большую металлическую дверь с горизонтальной створкой. Прибор отсканировал мой отпечаток, издал противный короткий звук и выдал время на таймере: полторы минуты.

«Полторы минуты?! На этой неделе ещё меньше!».

Помню, ещё три года назад на душ нам отводили минут пять, затем это время сократилось до четырёх минут. Цифра, которую я увидел на таймере сегодня, если не вгоняла в панику, то как минимум вынуждала задуматься, а всё ли в порядке в опреснительном цеху. Впрочем, я не слышал, чтобы там были какие-то проблемы.

Несмотря на то, что большинство цехов были обветшалые и запущенные, опреснительный по-настоящему впечатлял своим масштабом и техническим инновациями. Последний раз я бывал в той части корабля, когда нас попросили помочь с монтажом одной из опреснительных башен. Когда работягам из цеха понадобилась физическая сила, нас привлекли как «лишние руки». И мы, конечно же, не отказались, поскольку на двух нижних уровнях было заведено помогать друг другу.

Десятки башнеобразных установок черпали воду из океана, перерабатывали и отправляли в большие круглые резервуары с подведенной к ним водопроводной системой, по которой вода подавалась на все четыре уровня ковчеге. Однако на этом процесс очищения воды не заканчивался. Помимо систем подачи воды, в помещениях ковчеге были также вмонтированы системы её обратного забора. Вода из душевых, прачечных, систем охлаждения, кухонь и даже сточных вод возвращалась в опреснительный цех благодаря системе обратной подачи. А следом начинался процесс повторной фильтрации для последующего использования.

Глядя на этот огромный организм, который решал, казалось бы, простую задачу, невольно понимаешь, что жизнь всего ковчеге зависит не от вооружения и политических амбиций чиновников, а от нашей способности ценить самые простые вещи.

Я закончил мыться, хоть и было сложно уложиться в отведённые полторы минуты. Когда я собирался выходить из душевой кабины, из звуковых динамиков послышался едва слышимый мужской голос.

– Нужно поговорить, работничек.

– Кто это? – настороженно спросил я, пытаясь вспомнить, откуда этот голос мне был так знаком.

– Старый знакомый. Хочу перетереть кое-о-чём важном.

– О чём?

– Подожди вечера, сам тебя найду.

Звонок оборвался.

«Откуда у него был доступ к системе оповещения? И что ему от меня нужно?».

Ответов не было, поэтому я решил просто выйти из душевой.

– Эй, – крикнул солдат службы безопасности, постучав три раза по стенке, – твоё время закончилось. На выход.

У душевой я снова столкнулся с Лизой. Её тёмные волосы блестели после мытья. Она не посмотрела на меня и быстрым шагом направилась к лестнице. Я знал, что впереди её ждёт смена в гидропонном блоке – двенадцать часов духоты и влажности, от которых к вечеру будет кружиться голова. Хотелось окликнуть её, сказать что-нибудь глупое, лишь бы привлечь внимание – вроде того, что после душевой она ещё краше. Но я промолчал.

Солдат службы безопасности по-прежнему стоял в коридоре, сканируя нас взглядом, будто мы какие-то преступники. Лиза свернула к лестничному пролёту, после чего её силуэт пропал.

А меня впереди ждал рабочий день в складском блоке – такой же, как и сотни остальных до него.

По крайней мере, я так думал.

Перед спуском вниз я снова зашёл в свою каюту. На этот раз – чтобы переодеться в рабочую одежду. На спинке старого продавленного стула висел аккуратно сложенный с вечера комбинезон. Бледно-оранжевая ткань уже почти выцвела, но комбинезон всё ещё был в строю. На спине красовалась надпись: «УРОВЕНЬ 4. ТЕХНИЧЕСКИЙ ПЕРСОНАЛ. СКЛАДСКОЙ БЛОК». А рядом – прямо на ткани – кто-то написал маркером: «Держись подальше». Кто и зачем это сделал, было уже не узнать, ведь форма прошла через десятки рук, прежде чем её передали мне. Я надел комбинезон, застегнул до горла и проверил подошву на левом ботинке. Та предательски отходила уже вторую неделю, а чтобы получить новую обувь – нужно было получить визу. Сейчас такой возможности не было.

Сразу после я направился к лифтам.

В нашем коридоре, как и всегда, стоял устойчивый запах вчерашней капусты и ржавого металла. У шахт я осмотрелся.

Общественные лифты двигались только вниз, по направлению к днищу, и чтобы в них пройти, нужно было отстоять солидную очередь. Это утро не стало исключением, и к тому моменту, как я подошёл, у лифтов уже собралось человек пятьдесят. Подъемников было четыре, и каждый вмещал в себя от силы восемь человек, поэтому поездка обычно занимала минут двадцать. А иногда – все сорок. В зависимости от того, сколько человек стояло в очереди. Встав в толпу, я вспомнил о том, как было хорошо раньше ходить по лестницам. До тех пор, пока их не законсервировала администрация Виктора Жилового. То ли новый губернатор боялся несанкционированных проникновений на верхние уровни, то ли была какая-то другая причина, нам – простым работягам – неведомая. Изредка мимо проходили безопасники – местная полиция под командованием Мэлса Союзова – жестокого, беспринципного человека. Он ненавидел жителей нижних уровней и шептал на ухо губернатору новые законы, ущемляющие права простых граждан. Впрочем, нелюбовь эта была взаимной. Безопасников здесь презирали, считали их людьми с другой планеты. Так оно и было.

Наконец, спустившись вниз, к днищу, я прошёл через переход, соединяющий агропромышленный блок со складским. Здесь, сквозь толстое и мутноватое стекло открывался вид на море. Бескрайнее, серое и бурлящее. Оно накрывало нашу планету как огромное одеяло. Вдалеке, у самого горизонта, виднелась плотная полоса туч. Шторм? Или что-то другое? Было не разобрать. Снизу доносился гул – это волны бились о борт ковчега, будто бы безуспешно пытаясь утянуть его в море. Я вспомнил, как однажды в детстве спросил отца: «А ты не боишься, что мы утонем?», и он, подумав, ответил: «Нет, сынок. Мы уже утонули».

Интерлюдия

За много лет до катаклизма...

В прозяблой хижине на окраине Заречья сквозь окна пробивались редкие огоньки света. Старая лампа освещала сырые доски, из которых давным-давно был состряпан теперь уже едва пригодный для проживания дом. Когда-то всё выглядело гораздо лучше, но сейчас хибара почти развалилась. Здесь явно не хватало мужской руки, хотя мужчина в этом доме жил, но... По какой-то причине он приходил домой не каждую ночь. И даже не каждый день.

На небольшой кухоньке внутри домика суетливо трудилась молодая женщина - симпатичная, со светлыми волосами и печальным взглядом, лет так тридцати на вид. Она усердно варила бледную массу, закидывая в кастрюлю наструганные кусочки моркови и репы – в похлёбку отправлялось всё, что находилось под рукой. В суровые северные зимы любая пища была на вес золота. Россия ещё не оправилась от разрушительной войны, настигшей её во второй четверти двадцать первого века, поэтому помощи ждать не приходилось.

О лучших временах в этих краях давно позабыли.

«Друзьям всегда в стране могучей открыты двери и сердца». Патриотические агитплакаты украшали Заречье. В некоторых местах их лепили друг на друга, в результате чего одни плакаты завешивали другие. А потом на них вешали третьи, и так повторялось снова и снова. Впрочем, на этом «островке» деревенской жизни патриотические идеалы жили только на бумаге. Равно как и везде – от Калининграда до Дальнего Востока. От той могучей страны, которую восхваляли идеологи, не осталось ни следа.

Татьяна всегда была примерной гражданкой. В двенадцать лет её посвятили в молодежное движение, надев на голову сиреневую беретку. С тех пор она жила по правилам и совести, но в какой-то момент её жизнь резко изменилась. И причиной тому было появление на свет ребёнка. Необычного ребёнка.

Достав глубокую тарелку, девушка плюхнула туда сваренное месиво и понесла к столу. Её руки едва заметно потряхивало, но Татьяна старалась не подавать виду, ибо он чувствовал, когда его боятся.

– Вот, сыночка, кушай...

Темноволосый мальчик, которого она ласково называла «сыночкой», был совсем не похож на остальных детей. Он не выходил из дома, мало разговаривал и почти никогда не улыбался. Таких, как он, обычно называли юродивыми, однако редко кто осмеливался сказать это вслух. Слухи по Заречью растекались так же быстро, как и партии агитационных листовок.

Взяв деревянную ложку в маленькую ручонку, ребёнок отведал стряпню матери.

– Фу, гадость! – выкрикнул он, брезгливо причмокнув губами, а после схватил тарелку, со всей дури обдав раскалённой похлёбкой женщину.

Горячая жижа потекла по голове несчастной, обжигая её светлую кожу и растекаясь по прядям волос. Она закричала и выронила посуду, после чего села в угол и истошно зарыдала. За пеленой слёз Татьяна видела, как на лице «сыночки» появляется гримаса, которую некоторые ошибочно могли спутать с улыбкой. Но улыбка эта была лишь защитной реакцией. На самом деле маленький Миша боялся, да так сильно, что не мог спать по ночам. Он боялся того, кто ещё не пришёл с работы. Того, у кого не доходили руки залатать протекающий после дождя потолок.

Но что ещё хуже – маленький Миша брал с него пример.

Глава 2. Вылазка

В складском блоке всегда пахло по-разному. Иногда сладко и приятно, а иногда – словно гнил весь годовой запас лососевых. Дойдя до пятого ряда, я отыскал своего наставника – Семёна Ивановича, человека совсем не знакомого с манерами, но – как это часто бывает на днище – с золотыми руками и большим сердцем. Значительную часть жизни он проработал в должности замначальника складского блока, а затем, постарев, уступил это место мне. Впрочем, работать в складском он остался – продолжил делиться опытом с молодым поколением, хоть и про то, что более здесь не командир, регулярно забывал.

– Ага, явился, – буркнул он, не оборачиваясь. – Бери тряпки, и чтобы через час сухо было. Фильтры гудят. И лопасть на третьем ряду подвывает.

Я хмыкнул, оценил фронт работ и принялся за дело. Физический труд меня успокаивал. Руки работали, а мысли тем временем двигались куда-то в другую сторону. Снова вспомнилась Лиза, её нервное движение, которым она одёрнула руку в тот момент, когда я попытался её коснуться.

На ковчеге «Москва» незарегистрированные личные отношения были под запретом. Вступать в брак и рожать детей без дозволения чиновников из администрации было категорически запрещено. Даже закон издали с громким названием: «О семье и деторождении». Впрочем, молодым людям не всегда удавалось этот запрет блюсти – ни один закон не мог сдерживать гормоны. Я слышал истории, что особо рьяных влюбленных переводили на «днище» досрочно, невзирая на возраст и трудовой стаж. А законопослушные граждане право завести семью и детей ждали годами. Иногда чувства постепенно охладевали. Не у всех парочек хватало терпения не разбежаться за столь длительный срок.

Я боялся, что и нас с Лизой может постигнуть та же участь. Мы часто обсуждали совместное будущее и, конечно, видели себя родителями. Даже заявление подали в администрацию, но получили категоричный отказ. «С сожалением сообщаем, что в настоящее время все квоты распределены. Ваша заявка на создание семьи поставлена в очередь. О её утверждении будет сообщено дополнительно», – ответ разбил Лизе сердце, но я не терял надежды получить заветную подпись.

Я решил отвлечься на мысли и переключился на Иваныча.

– Слышь, Иваныч, – окликнул я, выкручивая ржавый болт на решётке фильтра. – А ты когда-нибудь думал, что находится там, за горизонтом?

– За горизонтом вода, – проворчал он. – Очень много воды. Тебе заняться нечем?

– И всё же?

Он замолчал. Я думал, что ответа можно не ожидать, но Иваныч неожиданно вздохнул, после чего достал откуда-то мятую пачку сигарет. Настоящих сигарет, а не самокруток из водослей.

– Думал, – сказал он, закулив. – Когда был моложе, думал, что может, есть где-то суша, о которой мы не знаем? Острова или города под куполом. Что, если мы плаваем в отведённых нам водах, как дураки, а где-то существует нормальная жизнь?

– И что?

– И ничего. Глупости всё это. Нет там ничего. Океан всех сожрал и переварил.

Он затянулся, выпустил дым в потолок.

– А знаешь, что самое поганое?

– Что?

– Наврал я с три короба. До сих пор об этом думаю.

Мы помолчали, седьмая установка гудела так сильно, что вибрацией отдавалась в ушах. Я вытащил забитый солью фильтр – тот был похож на окаменелую медузу – и швырнул в утилизатор.

Иваныч докурил, затушил окурок о подошву и сунул его в обратно в пачку.

– Давай работай. Бездельников на третьем уровне кормят плохо.

К полудню я должен был завершить намеченную работу. Однако в рупоре заговорили: «Всем сотрудникам складского блока срочно подойти в сектор собраний». И следом ещё раз: «Всем сотрудникам складского блока срочно подойти в сектор собраний».

Это было весьма необычно. Обычно собрания в рабочее время не проводились. Мы с Иванычем переглянулись.

– Наверное, по поводу планов, – предположил я, ускорив шаг.

Вместе мы прошли в низкое, тесное помещение, в которое едва вместились все, кто работал в складском блоке. Разодеты они были в такие же бледно-оранжевые потрёпанные комбинезоны, какой был на мне.

– Чего это нас собрали? – недовольно выкрикнул один из грузчиков.

– Прямо перед обедом! – рычал другой грузчик, имя которого я не знал.

Ровно в 12-00, с математической точностью, на сцену поднялась женщина, которую было невозможно с кем-то спутать. Это была Лидия Петровна Белова, начальница складского цеха и мой прямой руководитель.

Петровна проработала в своей должности двадцать лет, ровно с того дня, как ковчег «Москва» был впервые спущен на воду. Эта невысокая, но достаточно коренастая женщина видела своими глазами первые морские приключения «Москвы» и стала свидетелем конца света, когда исполинские волны поглотили континенты.

В эпоху формирования нового миропорядка Лидия Петровна стала значимой фигурой на корабле – она пережила отставку одного губернатора и смерть другого, стала борцом за справедливость на четвёртом уровне. С её мнением считались, и пару лет назад за большие заслуги её пригласили жить на первый уровень. Казалось бы, что может быть лучше, чем приглашение пожить на старости лет в райских условиях? У Лидии Петровны, конечно же, было своё мнение на этот счёт – она категорично отказалась.

«Хоть и живу на днище, зато живу среди людей. А этих брюхастых буржуев видеть каждый день не собираюсь», – ответила она префекту первого уровня, который принёс ей приглашение. Тогда все поняли, что начальница складского блока ничуть не растеряла силы духа и твёрдости характера. В конце концов, приглашение отозвали, а Лидия Петровна продолжила выполнять свою работу, обучая молодое поколение всему, чему научилась за эти непростые годы. Среди её учеников, с первого дня моего пребывания в складском, был и я. И впоследствии именно меня она сделала своей правой рукой, чем я, безусловно, гордился. И надеялся, что когда-нибудь мне выпадет честь стать её достойной заменой. Ради этого я даже терпел компанию Иваныча, с которым не всегда бывало легко.

Подойдя к старому микрофону на ржавой стойке, Лидия Петровна громко рявкнула.

– Внимание, – её голос, в несколько раз усиленный динамиками, ударил по ушам, – этой ночью зафиксирована несанкционированная попытка связаться с ковчегом «Калининград». Нарушитель – механик из нашего блока. Вы все его хорошо знаете. Глеб Сомов.

– Глеб Сомов?! – удивился я, ведь с Глебом мы были хорошо знакомы. Он не был моим другом, но почти каждый день я видел его и на работе, а по вечерам – в коридорах секции третьего уровня, в которой проживал и сам. Этот скромный парень жил тремя каютами дальше от меня и был всего на пару лет старше. Я знал, что где-то на днище жила его бабушка, которую он частенько навещал. Глеб совсем не производил впечатление человека, который мог что-то нарушить. И уж тем более совершить преступление.

В зале стало шумно. Ковчег «Калининград» – торговый партнёр Москвы – не выходил на связь уже много месяцев. Одни говорили, что корабль затонул, другие – что там произошёл бунт и смена власти, а третьи вообще считали, что «Калининград» причалил к таинственному острову, и все его жители сошли на землю. И откуда только у людей было время придумывать такие байки? Администрация слухи пресекала, но людские байки разносились по ковчегу со стремительной скоростью.

– Зачем он полез, дурила? – сокрушался Иваныч, который знал Глеба гораздо лучше моего.

– Приговор не оспорить, – продолжила Лидия Петровна. – Глеб погиб. Оказал сопротивление при аресте.

Складские мужики опустили головы, сняли фуражки. Пару женщин из толпы разрыдались. Никто, абсолютно никто не понимал, зачем Глеб совершил столь необдуманный поступок. Зачем включил коммуникатор на дальние частоты и послал какое-то сообщение? И что было в этом сообщении? Каждому из нас хотелось когда-нибудь, хоть раз, услышать новые голоса издалека. Поговорить с теми, кто живёт другой жизнью. Но зачем это было делать именно сейчас? Возможно, он искал способ покинуть «Москву»? Ответов ни у кого не нашлось.

Собрание было коротким. Других тем для обсуждения на повестке дня не было. Даже пресловутые планы не обсуждались.

– Берегите себя, не совершайте необдуманных поступков, – напоследок сказала Лидия Петровна собравшимся.

Когда все разошлись, она подошла ко мне.

– Спасибо, что не ругаешься с Иванычем.

– Хах, – ухмыльнулся я, – знали бы вы, каким трудом мне это даётся.

– У него есть, чему поучиться, – Лидия Петровна сделала паузу. – Но я здесь не чтобы ласы точить. Тебя отправляют на задание.

Она достала из шкафа серую непромокаемую куртку.

– Это же... одежда для морских вылазок?

– Ты в списке.

– В каком списке?

– На «Краснодар». На сегодня согласована вылазка. Для обмена. Твоя кандидатура была выбрана мной и утверждена префектом.

Я уставился на Лидию Петровну, поначалу не поверив в услышанное. Вылазки на другие ковчеги были настоящей редкостью в наше время. Обычно это происходило раз в несколько месяцев, а то и реже. И, как правило, кандидатов на такие вылазки тщательным образом отбирали по критериям, которые никто не знал. Стать утверждённым кандидатом было большой честью. И большой опасностью. Некоторые не возвращались, поскольку малые суда плохо обслуживались и были непригодны для долгих плаваний, а шторма в наших водах были нередки.

– За что меня выбрали?

Сзади послышался голос Иваныча.

– За красивые глаза. Или за то, что задаёшь много лишних вопросов. Одевайся, не то сам пойдёшь объяснять префекту, почему мы до сих пор тут.

Петровна развела руками.

– Вам пора, – сказала она напоследок. – Удачи!

Через сорок минут я уже был одет и стоял в доках. Огромное помещение, пропахшее солью и соляжкой, гудело от сотен голосов внутри. У причала стоял катер – старый, в ржавых разводах, перепаянный и залатанный Бог знает сколько раз. Он был раз в сто меньше нашего

ковчег. На миг я представил, что с нами случится, если мы попадём в шторм, но отбросил эти мысли, чтобы не терять настроения.

– Какой красавец, – сказал мужчина с закрученными усами и серой фуражкой, который разглядывал посудину. – Чувствуешь, как он пахнет свободой?

– Здравствуйте, – поздоровался с ним я, хотя голос совершенно не узнал.

– Меня Шкипером звать, сегодня я буду главным на этой вылазке, – представился он. – А ты, дай угадаю, Рома из складских?

– Да, верно. Рад знакомству.

– Оpozнал тебя по этому старику, – Шкипер рассмеялся и обнял Семёна Ивановича. Эти двое явно были в приятельских отношениях. – Ну чего, пойдёмте знакомиться с остальными.

Помимо нас троих, в группу вошли двое сотрудников службы безопасности. Коренастые, мрачные и с дубинками на поясах, они первыми заняли свои места на катере, пройдя мимо нас даже не поздоровавшись. Следом пришла Нелли, полненькая девушка лет тридцати, которую я часто видел в столовке. Она работала медсестрой. Далее пришли двое грузчиков – Исмаилов и Смирнов. Следом сели Иваныч со Шкипером. Я остался у лодки, намереваясь сесть последним.

– Кого-то ещё ждём? – спросил Иванович у Шкипера.

– Я здесь, – из доков раздался голос, который я бы не спутал ни с одним на ковчеге.

– Лиза?!

Сердце застучало в тысячу раз сильнее. Она стояла на краю причала, одетая в такую же куртку, как у меня, и смотрела глазами, полными решимости.

– Что ты тут делаешь? – спросил я у неё, выдохнув.

– «Краснодару» нужен кто-то, кто поможет разобраться с проблемой в гидропонном блоке. Обмен опытом. Но я сама попросилась.

– Зачем? – прошипел я, понимая, что любая вылазка – это опасность.

– Чтобы с тобой побыть. И... чтобы увидеть...

– Увидеть что?

– Другой ковчег. Других людей. Что жизнь может быть не такой, как здесь.

Я промолчал. Спорить не было времени, тем более когда на нас смотрели офицеры службы безопасности.

– Ну, чего вы там болтаете? А ну живо на борт! – прокричал Иваныч.

Когда мы погрузились, катер загудел и завибрировал. Шлюзовые ворота медленно и со скрипом начали открываться, и солнечный свет проник внутрь, ослепив глаза. За столько лет на ковчеге он до сих пор казался божественным чудом.

Вылазка началась, когда мы вышли в открытое море.

Вокруг нас был бескрайний океан – серый и полный неведомых опасностей, но впервые в своей жизни я чувствовал себя свободным. Здесь, на маленьком катере, который плыл неведомо куда.

Я сидел на корме, вцепившись в край борта и глядел назад. На моих глазах огромный ковчег «Москва» из массивного гиганта становился маленьким и, казалось, совсем беззащитным, как наш катер.

Спустя двадцать минут волны начали атаковать, однако Шкипер держал штурвал уверенно. В его мастерстве никто не сомневался. Он рулил, ориентируясь по каким-то старым, трухлявым картам, а вместо навигационного компаса использовал своё внутреннее чутьё, понятное лишь ему одному.

Лиза сидела около меня, осторожно касаясь плеча. Сейчас она не боялась прикосновений. Она молчала, но эта тишина была красноречивее многих слов. Впереди сидели грузчики, которые что-то бурно обсуждали, используя множество нецензурных слов, врач перебирала какие-то инструменты, а безопасники молча буравили взглядом горизонт, будто бы что-то там выискивая.

– Итак, а теперь вводные, – заговорил Шкипер, не отрываясь от штурвала. Ему приходилось повышать голос, поскольку шум от волн заглушал всё. – Наша задача – передать «Краснодару» медикаменты и запчасти для систем опреснения. Вон они. – Шкипер показал пальцем на несколько ящиков, которые были накрыты непромокаемым тентом.

– Когда два года назад торговали с ними, у них танкерная секция была битком набита. Поэтому – меняем всё на горючее.

– Это было два года назад, – справедливо подметил Иваныч. – Где гарантии, что они всё не разбазарили? Видимо, с горючкой у нас совсем швах.

– Обсуждать это – не в вашей юрисдикции, – холодно оборвал его один из безопасников, с родинкой на подбородке. – Вы здесь для другого.

Иваныч замолчал. Старый прохиндей был остр на язык, но прекрасно знал, когда стоит закрыть рот.

– Так вот, – продолжил Шкипер. – Наша задача – провести обмен – выгрузить ящики на борт «Краснодара», а затем забрать топливо и всё, что сможем выторговать. Следом Лиза и Роман окажут помощь по своей специализации. Попутно разведаем, что у них да как на борту. Обстановку, настроения, отношение к нам. На всё про всё у нас четыре часа. Затем – срочно обратно. Вопросы?

– Нет вопросов, – сухо ответил второй безопасник, хотя, очевидно, в детали задания он был посвящен гораздо раньше нас.

Мы проплыли около двух часов, когда на горизонте наконец-то показался ковчег «Краснодар». Он был гораздо ниже «Москвы», приземистее, и заметно отличался. Другие надстройки, другая форма носа и, самое главное, на его верхушке виднелись пятна растительности – живые деревья, судя по всему. Густые, настоящие, не искусственные, как у нас.

Шкипер достал рацию, чтобы связаться с экипажем.

– «Краснодар», приём, приём. Говорит «Москва». Прибыли на обмен. Приём.

– «Москва», слышим вас. Швартуйтесь.

Шлюз открылся, и мы плавно проскользнули внутрь.

Доки «Краснодара» поразили меня своей чистотой и порядком. Здесь пахло не тухлой рыбой, а свежестью – то ли хвоей, то ли какой-то другой травой, название которой мне было неизвестно. Стены были выкрашены в светлые тона, а лампы горели ровным, почти дневным светом. Нас встречали люди в комбинезонах, но не в оранжевых, как у нас, а в жёлтых, с нашитым на рукавах символом в виде колосса. «Краснодар» был известен на весь Последний флот тем, что это был один из последних ковчегов, где ещё выращивали пшеницу и пекли самый настоящий хлеб. Именно благодаря этой культуре ковчег выбрал своим символом пшеничный колосс.

– Добро пожаловать на «Краснодар», – произнёс высокий мужчина с чёрной бородой и добрыми светлыми глазами. – Меня зовут Алексей, я – ваш координатор. Обмен будет произведён в центральном зале. Прошу следовать за мной.

Мы пошли. Я крутил головой по сторонам, стараясь запомнить каждую деталь, каждую особенность этого корабля. Коридоры здесь были куда шире, а люди – спокойнее и расслабленнее. На их лицах были живые, искренние улыбки. Совсем не такие, какие приходилось видеть на ковчеге «Москва».

Проходя через парковую зону с зелёными пышными деревьями, я заметил женщину, которая сидела на лавочке и кормила ребёнка чем-то белым. Приглядевшись, я увидел в её руках кастрюльку с кашей, с самой настоящей молочной кашей. У нас молоко – редкость, доступная только жителям первого уровня. А здесь... Люди дают молочные продукты детям просто так, на обед?

– Простите, Алексей, – обратился я к нашему gidу. – А сколько здесь уровней?

Алексей не остановился, продолжил идти уверенной походной.

– Три, – ответил он. – На нижних двух живут люди, наверху – теплицы, парки и солнечные батареи.

– Получается, наверху никто не живёт?

– Только по служебной необходимости. Граждане могут спокойно подниматься наверх, им никто не препятствует.

– Но почему сюда никого не селят? – удивлённо переспросил я.

– Потому что солнечный свет – это не привилегия определенного класса. Это такое же право каждого, как вода и воздух. Посели мы сюда одну часть граждан, другая задаст вопрос – а почему не мы? – Алексей вздохнул, не сбавляя шага. – Слушай, парень. Я знаю, что тебе это кажется диким. У вас, москвичей, порядки совсем другие...

– Нет, – перебил его я. – Мне не кажется это странным. Совсем. Напротив, я считаю, что так и должно быть. Ваш ковчег... Удивительный.

Алексей улыбнулся, прищурился.

– Для талантливой молодёжи у нас на борту всегда найдётся местечко.

Лиза, идущая справа от меня, услышав слова Алексея, воодушевленно на меня зыркнула. В её глазах считывалось симпатия к этому месту, к порядку, который здесь есть, но принять приглашение сейчас мы не могли.

– У них тут... целая жизнь, – прошептала она.

– Тише, – гаркнул один из безопасников, хотя по его выражению лица было видно, что и он удивлён.

Центральный зал ковчега «Краснодар» находился в большом здании с прозрачной стеклянной крышей. Из центра комнаты открывался удивительно красивый вид на голубое небо. Центр был уставлен столами, на котором были разложены припасы для обмена. С нашей стороны лежали редкоземельные металлы и детали для опреснительной системы. Со стороны «Краснодара» – топливо, мука, и, что показалось мне самым необычным, древесные саженцы – маленькие хрупкие деревца в пластмассовых контейнерах.

Пока шёл обмен, Лиза отправилась с молодым агрономом по имени Давид осматривать гидропонные установки. Я видел, как она внимательно его слушает, задаёт вопросы и с интересом изучает инженерные особенности этого ковчега. Её лицо светилось по-настоящему живым интересом, а я остался у столов, помогая грузчикам перетаскивать ящики.

Внезапно ко мне подошёл Алексей.

– А ты техник, да? – спросил он, оглядываясь по сторонам.

– Ну да, складские системы, погрузочное оборудование.

– На складе барахлит система шоковой заморозки. Наши не справляются. Поможешь? Мы заплатим.

– Чем же? – поинтересовался я.

– Информацией, – он посмотрел на меня долгим загадочным взглядом. Меня одолел лёгкий морозец. Я начал подозревать, что это была не простая просьба, а какая-то проверка, но отказать не мог.

– Тогда идём.

Второй уровень «Краснодара» существенно отличался от нашего «днища». Здесь тоже проживало большое количество людей, но каюты были чистые и просторные. Секции хорошо освещались, запаха гнили не было, а люди вели спокойно и расслабленно. Я быстро нашёл неисправность, на которую жаловался Алексей. Проблема была в забитом фильтре. Пока я работал, Алексей тихо и размеренно начал диалог.

Он рассказал, что полгода назад «Краснодар» нашёл в нейтральных водах подводную возвышенность. Небольшое горное плато, вершина которого почти достигала поверхности. Там, на глубине двадцати – тридцати метров были руины старого города, и в этих руинах они нашли уцелевшие архивы, документы о других ковчегах, ранее неизвестных ни «Краснодару»,

ни «Москве». Но самое главное, среди этих документов были старые карты, на которых были отмечены точки, где океан мельчает.

– Суша, – прошептал я, не до конца веря в то, о чём говорю. – Неужели вы нашли сушу?

– Мы в этом не уверены, – ответил Алексей. – Но через девять месяцев нужно быть вот в этой точке. Море там должно измельчать настолько, что могут появиться первые участки земли. – Алексей протянул мне небольшой свёрток.

– Зачем вы мне это рассказываете?

– Потому что вы с «Москвы». У вас есть то, чего нет у нас. Ресурсы, связи, репутация. Если мы объединим усилия, то...

Он не договорил, в дверях появился запыхавшийся безопасник, который нас сопровождал.

– Сворачиваемся! Срочно! – рявкнул он. – Надвигается шторм. Шкипер сказал, нужно уходить немедленно.

Я вытер руки и поднялся, засунув свёрток Алексея в карман. Мы бегом вернулись в доки, где меня уже ждала Лиза с сияющими глазами.

– У них настоящий помидор, представляешь? – сказала она. – И огурцы, и система аэрации, которая в несколько раз совершеннее нашей.

– Потом расскажешь, – сказал я, взяв её за руку. – Нужно возвращаться домой.

Погрузка припасов и краснодарского топлива на наш катер завершилась в рекордно быстрые сроки. Шлюз открылся, и мы снова вышли в море, оставляя позади себя ковчег «Краснодар». Но на этот раз море уже было другим. Оно почернело, стало шумным и бурлящим, а небо заволокли непроглядные тучи. Волны стали атаковать в два раза сильнее, и каждый их удар ощущался.

И тут перед нами предстало это.

На горизонте, где небо сливалось с бурлящей водой, мелькнуло тёмное и продолговатое очертание. Я всмотрелся и увидел корпус – огромный перевёрнутый корпус какого-то ковчега. Он лежал на боку полузатопленный, с разорванным пополам корпусом, и волны бились о его разрушенн

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.